

И СНОВА — НЕТЕРПИМОСТЬ

В разгар первой мировой войны американский режиссер Дэйвид Гриффит снял фильм «Нетерпимость». С неумолимой логикой он показал, что люди всегда и везде — от Древнего Вавилона и евангельской Иудеи до современной художнику американской действительности — терзали и мучили друг друга и это никогда не приносило им счастья. Фильм, задуманный и снятый с невиданным дотоле размахом, успеха не имел.

В нашем веке нетерпимость возвели в ранг едва ли не высшей добродетели, приравняв ее к самоотверженности, преданности высокой идее. Беззаветный снайпер революции Марюта (героиня повести Лавренева «Сорок первый»), не дрогнув, поразила свою сорочку первую по счету «мишень» — единственного любимого человека. Героиня пьесы Тренева Любовь Яровая приговорила к расстрелу мужа, а платоновская Суинита ради процветания коммуны «Четырнадцать Красных Избушек» обрекла на голодную смерть сына.

В детстве я ходила на занятия в Дом культуры имени Павлика Морозова: до сих пор хорошо помню гипсового мальчика на постаменте перед входом, со сжатыми кулачками и непреклонностью во взоре. Целые поколения вырастали под его жестким, непримиримым взглядом — что же сетовать нынешним отцам на отчужденность своих чад? Их дети, что ни говори, все же более гуманны.

Что там слезиночка одного ребенка, мучавшая Достоевского, — понадобилось море крови и слез миллионов невинно замученных людей, чтобы мы, наконец, заговорили о приоритете общечеловеческих ценностей над всеми прочими. Не слишком ли дорога цена прозрения? Но и сегодня тут и там возводятся баррикады. Идет активный поиск врагов — причем, как водится, не в своей семье, а у соседа. Нет в продаже мыла — виноваты кооператоры. Забеременела дочка-десятиклассница — виноват фильм «Маленькая Вера». Особенно же азартно сводят счеты некоторые представители творческих профессий.

Так, один литератор все свое время и силы отдает сбору компрометирующих материалов на ненавистного ему редактора заслуженно популярного журнала. Его коллега публично выговаривает критику, осмелившегося «свое суждение иметь», что «позиция над схваткой» — лишь прикрытие, маскирующее несомненное тяготение к одному из «враждующих станом» и отлучает его от своего, так сказать, ордена. Третий, известный писатель, прилюдно занимается арифметическим подсчетом, сколько изданий «у них», а сколько «у нас», и требует от высшего руководства страны «нашим» прибавить. У нас ведь так: «не могу поступаться принципами» — это означает не то, что на мои принципы кто-то покушается, а то, что если я другого заставлю по своим принципам жить, или вовсе его уничтожу. А если он тоже не может поступиться — что тогда? Опять война до полного уничтожения противника?

Больно, когда лучшие люди — из тех, кто действительно готовил перестройку в самые тяжкие времена и был за это жестоко гоним, — заняты сегодня одними воспоминаниями, не терпят малейшей критики в свой адрес, тотчас квалифицируя ее как «хамство». По житейскому счету это понять можно — такие обиды, какие были нанесены прежде, долго кровоточат. По высокому, божьему счету — нет, нельзя. А можно ли в ином — нежели самом высоком — нравственном измерении заниматься искусством?

Театр наш так долго питался ненавистью (праведной ненавистью по отношению к общественному бескислородью, невежественным чиновникам и т. д., но все же ненавистью), что сам изменился неузнаваемо. И не потому ли нет у нас хороших спектаклей, что сами театральные здания, того гляди, рухнут от девятибалльных волн злобы одной части труппы к другой, зависти по поводу заграничных поездок, негодования, связанного с размером прибавок к зарплате?

Далеко вперед глядел вождь народов, когда пускал в жизнь свой тезис о том, что по мере развития нашего общества классовая борьба в нем только разгорается. Знал, что посеяны

Нина АГИШЕВА

Критик, пишет по вопросам театра и кино.

им в людские души страшные семена, вражды, подозрительности и нетерпимости ко всему отличному от твоего, привычного, и что они непременно прорастут, дадут всходы. Знал, что независимая личность, творческая самобытность всегда будут непопулярны и гонимы. Кстати, и это предусмотрел великий провидец Федор Михайлович: «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятками. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» (это из программы Шигалева в «Бесах»).

Так как же утвердить, реализовать сегодня свою личность (а их много, и все они разные) — в ярости, нетерпимости или в конструктивном диалоге, попытке понять, а не обручать ближнего? В том, чтобы обратиться очи внутрь собственной души? Первое уже было, и результаты известны. Второе же дается гораздо труднее.